

Социологическая публицистика

© 1995 г.

А.Ф. ЗОТОВ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА: СВОЕОБРАЗИЕ ИЛИ «ПРИВЫЧНАЯ СВОЕОБЫЧНОСТЬ»?

ЗОТОВ Анатолий Федорович - доктор философских наук, профессор философского факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

Я не уверен, имеет ли вообще смысл обсуждать вопрос: являются ли и если да, то в каком плане уникальными русская культура, российское государство или «русская душа». Об «абсолютной» уникальности, конечно же, не стоит говорить, поскольку уникальные образования просто несравнимы. В любом отношении, и особенно противопоставлении, сравнивающий разум устанавливает **отношение** - в том, что в тот же момент появилось в пространстве сознания как предмет. Любое различие - это различие в сходном. Гегель заметил, что в случае диалектических противоположностей каждая имеет визави «свое иное».

Однако тема собственной культурной идентичности в разных вариациях: государственной, национальной, духовной, административно-правовой и даже экономической вряд ли где, кроме России, была столь же болезненной. Нечто подобное, правда, можно встретить и в истории европейского политического сознания, например, в культуре запоздавшего в своей государственной консолидации конгломерата германских княжеств. Но, вспоминая «Речи к немецкой нации» Фйхте как блестящий пример декларации национального культурного самоопределения, мы затрудняемся отыскать другой - вплоть до появления расистской концепции гитлеризма.

Спора нет, близкие темы не были несущественны и для японской или китайской истории, когда армии и флоты западных держав ломали сопротивление правителей, стремящихся закрыться от непохожего на их культуру мира. Но ведь это, по большому счету, была не проблема культурного самоопределения. Для японцев и китайцев их принадлежность к «Востоку» проблемой не была, тогда как строки Александра Блока в споре «славян» с «Западом», отнюдь не были выражением самоочевидного факта, несмотря на упомянутые по ходу дела скулы и косые глаза.

Вопрос о культурной идентичности для русского человека чуть ли не нацело редуцируется к бесконечным спорам о том, европеец он или азиат. Это уживается как с «интернационализмом» устройства государства российского, в котором были объединены не одни славянские племена, так и с разнообразными «национализмами», в том числе и весьма радикальными. Именно с «национализмами» в кавычках, т.к. определить нацию в российском социокультурном контексте не равнозначно тому, чтобы определять это понятие в европейском смысле. В самом деле, существование феномена «казачьего национализма» вряд ли можно оспаривать, даже если для многих специалистов казаки - не нация, а особая социальная группа внутри русской нации. Однако еще сложнее оспаривать то, что, с одной стороны, казачество выступало и как один из радикальных отрядов **русского** националистического движения, а с другой, что существовал и постоянный конфликт «станичников» с прочим русским «мужичьем».

И вряд ли случайной в современную жизнь столь легко и отнюдь не без серьезных последствий включаются **религиозные** моменты как факторы «национального» самоопределения, наряду с определенной восприимчивостью сознания российского жителя к самым экзотическим видам сектантства, причем этот «товар», как правило, экспортный и не лучшего качества.

Более того, продукты «исконно русского» религиозного интеллектуального производства порой столь же сомнительного качества, и, видимо, по тем же социокультурным причинам, которые определили непритязательное заимствование продуктов низкопробной массовой культуры как с Востока, так и с Запада.

Все сказанное только прамбула собственного «ядра» темы, заслуживающего более обстоятельного исследования. Поэтому я ограничусь тем, что сформулирую несколько тезисов, открытых для аргументации как в их защиту, так и для опровержения.

1. Вопреки столь недавно принимавшемуся в нашей литературе как бесспорный тезису, что российская культура возникла в «общем русле» развития мировой цивилизации, я считаю, что такая общемировая цивилизация только-только начинает формироваться, и факторами ее формирования выступают глобальный характер производства и обмена его продуктами, всеобъемлющие информационные сети, глобальная транспортная система. Можно представить эту схему более детально: становится фактом глобальная система разделения труда и соединения процессов и форм человеческой деятельности, делающая все более архаичной прежнюю «привязку» человека к роду деятельности, к орудиям и средствам труда, к месту жительства, к фиксированному государственному и вообще социальным образованиям. Эпифеноменом этого цивилизационного преобразования предстают все «глобальные проблемы современности».

В развитом мире, выросшем из классической европейской культуры, этот процесс предстает именно как процесс имманентного развития этой целостной культуры, даже если он проходит через периоды «частичных» и «общего» ее кризисов. В качестве моментов этого «комплекса кризисов» можно назвать распад национальных государств и национальных культур, исчезновение культур и языков некоторых малых народов, образование массовой культуры.

2. Развитие России, при всех административных попытках «европеизации» (которые сами по себе могут свидетельствовать - по меньшей мере - если не о культурной отсталости, то о том, что Россия до поры, до времени развивалась «не по тому пути»), в значительной мере не было саморазвитием культурного организма. И Гегель, исключаящий ее из феноменологии мирового (точнее, конечно, европейского) духа, и Шпенглер, характеризовавший ее развитие как «псевдоморфоз» (т.е. как образование форм, вызванное внешними причинами), имели веские основания для таких утверждений. Россия противопоставила **универсальной культуре** «Запада» то, что можно было бы назвать административной формой организации населения. Поэтому марксистская теория, прежде всего с ее схемой отношения «базиса» и «надстройки» весьма плохо согласуется с фактами российской истории: князь-объединители, цари-реформаторы, политические лидеры и всякого рода тираны с их «отрядами вооруженных людей» были всегда первичным фактором в' российской истории. Она, эта история, вообще не была историей в западном смысле слова, не была процессом самостановления народа; российская политика никогда не была детерминирована глубинными экономическими процессами (как во многом и культурными: князь Владимир и в самом деле «выбирает» религию «для своего народа»; крещение Руси — не что иное, как административное навязывание христианства населению). Кажется, ни одна фаза в объединении Руси не была имманентным процессом самоопределения народа в культурное единство, которое только «оформляли» политические и военные деятели. Если даже не соглашаться с «доперестроечными» утверждениями официальных историков, что царская Россия была «тюрьмой народов», которые у политически ангажированных историков постперестроечных лет превратились в тезис о том, что «тюрьмой народов» был именно СССР, в этом было «рациональное ядро». И Россия царская, и Россия советская - это разные названия одной сущности, имя которой - **Российское административное государство**. Название «**государственники**», которое снова часто мелькает в политическом лексиконе - не просто термин, а как раз **понятие**, выражающее суть дела. То обстоятельство, что в России никогда не было ни правовой культуры, ни развитого правосознания, что административная власть никогда не была в России лишь одной из «ветвей власти», а всегда ее «стволом», на котором иногда появлялись, вроде растения — вьюнка на телеграфном столбе, то парламент, то дума, то земства, то советы, реальная цена которым была, как говорится, грош в базарный день, - вовсе не просто «обстоятельство».

На Западе, во всяком случае в «докризисную эпоху истории Европы», даже при том Людовике, который говаривал, что государство - это он, государство оставалось «надстройкой», а его самостоятельность — относительной. Российское административное государство могло быть слабым, временами очень слабым. Но при этом оно сохраняло свою «природу» тоталитарной административной системы, которая, подобно фениксу, тотчас восставала из пепла' во всей своей чиновной красе, когда «приходило время». Гегелевская философская конструкция,

представившая государство как момент в развитии Духа, ухватила суть государственности как формы культурной целостности. В основе государства «по-европейски» и в самом деле лежит право, а это нечто большее, чем совокупность инструкций для чиновников. Сущность права - это **идея** права, которую способен выразить **философия права**. Европейские философы иной ориентации, нежели Гегель, например, Монтескье, тоже рассуждали о **духе законов**, а идеологи Просвещения, совершенно независимо от того, были ли они монархистами или антимонархистами, и вообразить не могли, что государство может обойтись без просвещенного и образованного населения. Но для многих российских «почвенников», уберегшихся от «французской заразы», вплоть до некоторых из современников вроде лидера Партии экономической свободы К. Борового, русскому человеку образование - во всяком случае высшее - ни к чему. Не хотелось бы проводить рискованных параллелей, но одна из идей Гитлера по германскому освоению России состояла в том, чтобы ограничить образование русских начальной грамотностью, а чиновников-администраторов для «восточных территорий», даже низшего ранга, готовить в Германии. Я вовсе не хочу сказать, что наши государственники сознательно ставят своей целью превращение России в американскую, НАТОвскую или израильскую колонию, но считаю, что политика, вдохновленная этой идеологией, если и может привести к практическому результату, то им окажется лишь самоисключение России из того культурного «пространства», которое предстает как питательная почва для создания постиндустриальной цивилизации с демократическим устройством жизни, правовым государством, развитым правосознанием.

3. То, что началось в России с Октябрьской революции - какими бы идеями ни вдохновлялись ее вожди, какие бы реальные цели они ни преследовали, каким бы деформациям ни подвергались официально провозглашаемые идеалы в результате взаимодействия идей и личных амбиций, а также конкретные исторические обстоятельства, - это открывало **возможность** «перескочить» через стандартный для «нормальной» цивилизации европейского типа этап формирования целостной национальной культуры в другое человеческое общество, которое по ряду пунктов сходно с постиндустриальной западной культурой. Те вопросы, которые сегодня обсуждают и решают во всякого рода транснациональных образованиях на Западе: ликвидация таможенных национальных границ, образование транснациональных транспортных сетей, свобода перемещения людей и товаров и обмена информацией, создание сначала совместных систем образования, а потом единой системы и т.д. - все это решалось, во всяком случае технически, и на территории бывшего СССР. И если бы не одна «деталь» - великодержавное противостояние СССР Западу, превратившее нашу страну не просто в великую индустриальную державу, но в великую **военную** державу, - СССР по ряду пунктов мог бы расцениваться как несовершенная модель подхода к общему будущему - к постиндустриальной человеческой цивилизации.

Но эта «деталь» не была чисто исторической случайностью - она была явлением **естественным** для российской истории, истории тоталитарной административной системы, поскольку идея «защиты родины» после гражданской войны, не говоря уже о войне Отечественной, была куда понятнее административно-политическим функционерам, определяющим и проводящим политику в российском смысле этого термина, чем, скажем, идея всеобщего образования, развития высоких технологий и т.п.

Сказать, что политика мирного сосуществования, а потом разрядки, потом..., что эта политика была самоубийственной для СССР как административно-государственного объединения, не совсем верно, поскольку дальнейшее продолжение «сталинской» политики было невозможно просто из-за того, что исчерпался запас прочности экономики, поставившей все ресурсы на службу «холодной» военной гонке. Административное тоталитарное государство загнало себя в тупик, переход к политике разрядки был не результатом морального решения, а попыткой избежать экономического краха.

Эта попытка в свою очередь была чревата саморазрушением тотальной административной системы организации территорий и населения, поскольку последняя начала терять свою исконную задачу, основу собственного оправдания как в глазах населения, так и во мнении функционеров этой системы. Если «нам теперь никто не угрожает», если объединение должно стать имманентным культурообразующим процессом (вспомним ельцинское «Берите себе столько суверенитета, сколько сможете унести!») — то федерализация бывшей державы должна была стать переходным этапом либо к запоздалому созданию культурных организмов (что имело место в Прибалтике), либо к циничной борьбе за власть (которая в условиях постсоветских стала прежде всего борьбой за «приватизацию» бывшей «всенародной» собственности),

либо, наконец, преамбулой включения в постиндустриальную глобальную цивилизацию, уже «отменяющую» национальные или иные самодостаточные и только взаимодействующие культурные организмы.

К сожалению, основной «цвет» нашего теперешнего процесса именно второй, и чем более он превалирует, тем труднее включиться нашему населению и «остаткам» страны в постиндустриальный развитый мир. Циничные своекорыстные политики должны стать слишком дальновидными, слишком привязанными к своей родине, не говоря уже о готовности к ожесточенной борьбе с себе подобными «крутыми ребятами», должны презреть верную возможность обогатиться сегодня и заняться, скажем, развитием высоких технологий, природоохранной деятельностью или хотя бы просто развитием производства, чтобы это было реально. Вот чем, на мой взгляд, если не целиком, то в значительной мере объясняется и стремление генералов сохранить огромную и становящуюся все менее современной армию - даже ценой ускорения разрушения интеллектуального потенциала населения, поддержания «горячих точек» как рынков «массового» оружия, на продаже которого все еще можно наживаться и которое еще способны производить унаследованные от милитаризированной экономики предприятия. К тому же этот процесс неплохо укладывается в нашу историческую традицию, в которой аксиомой стала установка на сохранение государственности как самоценности. Не потому ли, например, охрана президента стоит государственной казне, по самым скромным подсчетам, больше, чем академическая наука?

Можно ли вырваться собственными силами из этой гибельной спирали? Достаточен ли (пока) образовательный уровень населения, чтобы мирным путем демократического волеизъявления лишит власти наследников идеологии государственности, превращающихся в ожесточенно сражающиеся друг с другом за остатки пищи стаи шакалов? Будем надеяться...